

НОЧНАЯ МУЗЫКА. ТРИПТИХ

ДРУГОЙ

Ты должен меня выслушать — я обращаюсь к тебе, не к кому-нибудь. Вряд ли ты обрадуешься, узнав, что разоблачить тебя оказалось не таким уж сложным делом.

Ты ведёшь совершенно другой образ жизни, возвращаешься в чуждой мне среде, иначе одеваешься, ты другой человек. Я знал это, и если решился проделать эксперимент, о котором сейчас расскажу, то лишь для того, чтобы лишний раз убедиться в этом. Буду краток. Потратив полчаса на перелистывание телефонного справочника, я в конце концов остановился на конторе со скромным названием «ХУ. Розыск и наблюдение». Договорился о визите. Вылез из машины: жилой дом, ничем не примечательный, сбоку от двери, на щите с кнопками звонков нахожу нужную табличку. На минуту меня охватили сомнения; даже страх; было очевидно, не правда ли, что я ввязываюсь в сомнительную авантюру. Ты усмехнёшься. Ошибаешься, приятель: это была боязнь изобличить себя, а не тебя. Потоптавшись перед подъездом (и чуть было не повернув назад), нажимаю на звонок, вхожу, еду в лифте на пятый этаж.

Секретарша ввела меня в кабинет, где сидел человек с незапоминающейся внешностью, что отвечало его профессии, — видимо, тот самый Икс Игрек. Над креслом висел, как принято, портрет основателя фирмы: респектабельный господин с трубкой, в клетчатом кепи. Или это был сам великий Шерлок Холмс?

Я объяснил, чего я хочу, протянул фотографию, человек с засекреченным именем, директор конторы или кто он там был, взглянул на фото, взглянул на меня, не выказал удивления, лишь слегка приподнял бровь. Выслушав с профессиональной благожелательностью моё поручение, задал несколько деловых вопросов и попросил заполнить анкету. Я спросил, обязательно ли сообщать моё имя и прочее. Он развёл руками. Я пожалел, что пришёл сюда. Мне захотелось встать и уйти. Человек вздохнул. «В крайнем случае, — проговорил он, — вы можете проставить вымышленное имя, в порядке исключения. Ведь ваш случай, если я правильно понял, сам по себе представляет исключение».

«Нет, — возразил я, — если вы думаете, что это я, вы ошибаетесь. Это другой человек».

«Угу. Вот как. Ну что ж».

С этими словами он принялся составлять смету — предварительную, сказал он. Возможны дополнительные расходы. Естественно, я не стал любопытствовать, как они примутся за дело, кто будет этим заниматься. Такая профессия требует конспирации (Позже выяснилось, что единственный сотрудник, не считая секретарши, — сам заведующий).

«Итак...» Хозяин постукивал пальцами по столу, поглядывал на меня, словно ждал, что заказчик передумает.

Я подписал договор, и мы обменялись рукопожатием.

Теперь пора сказать несколько слов о себе. Это необходимо, чтобы ты понял: между нами нет ничего общего. Почему я набрёл на странную мысль поручить

частному детективному бюро следить за мной? Ответ прост: потому что сам я не могу за собой уследить. Итак, кто я такой: я человек вполне заурядный. Живу тихо, незаметно, мало с кем вижусь; с женщинами дела не имею, старые друзья всё реже дают о себе знать, да и я звоню им нечасто. Это можно объяснить возрастом. В конце концов, все мы понемногу стареем, а что такое старость, как не желание уйти в свою раковину.

Мне 59 лет. Лет двадцать тому назад, во времена экономической депрессии, когда с моим дипломом некуда было сунуться, я набрёл на малооплачиваемое местечко в районной библиотеке, временное, как я думал; да так и остался там. Через несколько лет стал заведующим. Работа меня вполне удовлетворяет. Я уже сказал, что живу один. После нескольких лет брака моя жена меня бросила, причём откровенно объяснила (за что я ей благодарен), что дело даже не в том, что я мало зарабатываю, не стараюсь продвинуться по службе (а какое может быть продвижение в библиотеке?), что я вялый, пассивный, неинтересный человек. А в чём же дело? Оказывается, я не удовлетворяю её как мужчина. Вероятно, она приготовилась к бурному объяснению, ожидала, что я осыплю её упреками. Но я как-то не нашёлся, что сказать, у меня словно отнялся язык; по своей наивности я ничего такого не подозревал. Да и что можно возразить, коли она приняла окончательное решение. Я даже не нашёл в себе силы спросить, кто же этот счастливец, который увёл её от меня. Мы постарались не доводить дело до бракоразводного процесса. Детей у нас нет. Две беременности были прерваны, тут же она призналась мне, что оба раза забеременела не от меня. Одним словом, старая история — и уже подёрнулась пеплом. Задним числом я думаю, что даже к лучшему. Я поступил с моей бывшей женой так, как она этого заслуживает: вычеркнул её из своей жизни.

Вечерами я сижу в моей берлоге: у меня уютная, хоть и несколько запущенная квартира. Слушаю музыку или читаю детективные романы. Читаю я обыкновенно так: прочту две-три страницы, а потом заглядываю в конец, чтобы узнать, кто убил. И после этого возвращаюсь к началу, читаю подряд, внутренне посмеиваясь над полицейским комиссаром: дескать, ты тут тычешься туда-сюда, ходишь вокруг да около, а мне уже всё известно. Но скоро это надоедает, я слоняюсь из угла в угол, идти некуда. Вообще я по своему характеру домосед. Пойми это, наконец: мой образ жизни меня вполне устраивает. Я домосед и отшельник, поздние прогулки, сомнительные кафе, амурные приключения и всё такое меня нисколько не привлекают, я человек брезгливый и, признаюсь, боязливый. Одиночество? Я не страдаю от одиночества! И даю тебе честное слово, если бы не бессонница, я был бы вполне доволен своей жизнью.

Можно страдать нарушениями сна, а можно, как я, испытывать страх перед бессонницей. Может быть, я и уснул бы. Но я боюсь лечь, начнутся разные мысли, ночью вообще всё кажется хуже, чем оно есть на самом деле, — и вот я сижу в кресле до тех пор, пока не почувствую, что у меня уже просто нет сил подняться, чтобы идти в постель. Читать я не могу, музыку не воспринимаю, в квартире цепенеет тишина, горит свет в люстре, странный, раздражающий, словно зуд, геморроидальный свет. Наконец, я встаю, иду в прихожую, чтобы выключить там свет, и возвращаюсь с намерением отправиться на покой, но кресло притягивает меня. Я чувствую, что у меня отвисла челюсть, глаза потускнели, я вперяюсь в экран, там текут, сменяясь, картины Земли, какой она предстаёт из космоса: огромный неспящий мозг. Плывут океаны и материки, словно туманные мысли. Еле слышно звучит ночная электронная музыка. А иногда появляются люди: на прошлой неделе, например, я неожиданно увидел до странности похожее лицо женщины. Похожее на кого? На мою бывшую супругу, разумеется.

С великим трудом я поднялся и отыскал в записной книжке её номер. Звоню: длинные гудки, никто не подходит.

Наконец, щелчок, голос из телефонных недр.

Вероятно, она подняла голову с подушки, там, в бывшей нашей спальне; спит, конечно, не одна. Или вышла в другую комнату, стоит с голыми ногами, в короткой рубашке, тёплая, источающая аромат сна.

«Алло...»

Извиняюсь за то, что её потревожил.

«А, это ты».

Объясняю, что видел её только что по телевидению.

Она ничего не понимает. Какое телевидение?

«Извини. Я только что...» В самом деле, нелепость. Зачем надо было звонить, напоминать о себе? Я изгнал её из памяти.

Вернувшись, я сгоняю тебя с моего места (какая наглость), плюхаюсь в кресло, экран дрожит, снизу вверх пробегает серебряная зыбь, шорохи, шелесты, все передачи закончились. Что делать?

Вероятно, я всё-таки успеваю соснуть. На рассвете мне снятся сны. Однажды приснилось, что я иду по переулку. Что-то знакомое, но где именно, не могу понять. В домах тёмно, едва тлеют лиловые луны фонарей — во всей округе упало напряжение тока. Постукивают чьи-то шаги. Я догадываюсь, что это я сам иду по пустынному переулку, куда-то направляюсь, но куда? Между тем светлеет, небо над мёртвым городом разгорается оловянным огнём, в окнах отразилось сияние, и я вижу, подойдя к окну, что, действительно, наступило утро.

В понедельник, как было договорено, меня известили о том, что материал готов.

Я вошёл, сопровождаемый секретаршей, в кабинет. Это был мой второй и, надеюсь, последний визит к владельцу конторы «Розыск и наблюдение». Икс Игрек поднялся навстречу и пожал мне руку. Мы немного поговорили о том, о сём. Затем заказчику было предложено занять место за круглым столиком в углу кабинета. Детектив вынул из пакета и разложил фотографии. Я разглядывал снимки, выполненные с большим искусством, в различных ракурсах, издали, вблизи, даже сверху.

«Не торопитесь, сравните, — сказал он, возвращая мне фотокарточку, которую я представил при первом визите. — Если, — добавил он, — вас не удовлетворяет качество, можно продолжить расследование».

Я ответил, что качество фотографий меня вполне устраивает, сложил всё в пакет и попросил продемонстрировать фильм.

Директор бюро достал из сейфа кассету. Секретарша, особа неопределённых лет и, я бы сказал, неопределённого пола, немая, как рыба, задёрнула шторы на окнах. В темноте я с трудом различал лицо человека, чьё настоящее имя так и осталось неизвестным. Было ли у него имя вообще? Не хочу ничего об этом знать. Наступила пауза; сыщик медлил. В чём дело? Он осторожно спросил, не предпочитаю ли я просмотреть фильм у себя дома. Если нужно, фирма предоставит в моё распоряжение необходимое оборудование.

«Почему не сразу же, не здесь?»

«Если окажется, что качество вас не удовлетворяет, или если информация недостаточна, можно повторить расследование».

«Да, но я не понимаю...»

«Дома гораздо спокойней, вы сможете не торопясь, без свидетелей...»

«Я вас задерживаю?»

«О,нисколько. Наше время принадлежит нашим заказчикам».

«Тогда в чём же дело?»

«Видите ли, — сказал он, — вы всё-таки необычный клиент...»

«Какая разница, я готов заплатить за всё», — сказал я, теряя терпение.

«Конечно, конечно. Прошу понять меня правильно, речь вовсе не идёт о гонораре. Но расследование потребовало, если можно так выразиться, применения необычных методов...»

«Ваши методы меня не интересуют. Мне важен результат».

«Вот именно. Вот именно! — подхватил Икс. — Речь идёт о результате. Об информации, которую, как я надеюсь, нам удалось получить с исчерпывающей полнотой».

«Прекрасно, я сгораю от любопытства».

«Я бы хотел всё-таки вас предостеречь. В нашей практике бывают случаи, когда клиенты оказываются настолько потрясены разоблачениями, что... Короче говоря, я полагал, что ознакомиться с информацией — не говоря уже о выводах, которые вы сделаете из неё, — лучше в домашней, привычной обстановке. В условиях, так сказать, щадящих психику...»

«Благодарю за заботу, — сказал я холодно. — Включайте».

Короткий вздох, после чего рулон неслышно развернулся — белое полотно закрыло мистера Холмса. Владелец конторы «Розыск и наблюдение» стоял за моей спиной.

Я увидел подъезд моего дома и уходящий вдаль переулок. Собственно, это и был переулок, который я видел во сне. Видимость не очень хорошая, так как съёмка происходила ночью.

Икс Игрек навис надо мной.

«Мы пользуемся высокочувствительной плёнкой», — сказал он.

Из подъезда вышел человек и остановился, озираясь. Человек, по первому впечатлению, похожий на меня.

«Это он!» — сказал я с торжеством.

«Вы уверены?» — спросил Икс.

Конечно, я был уверен. Ты притворился мною, но костюм выдал тебя. На тебе был... словом, неважно, как ты был одет, главное, что я никогда так не одеваюсь. Я уселся поудобнее в кресле. Секретарша (интересно, откуда она взялась? хорошо помню, что она вышла из кабинета) молча поставила передо мной виски со льдом и содой. Я отхлебнул из стакана. Я потирал руки от удовольствия. Подкатило такси, ты уселся рядом с шофёром. Детектив, как можно было догадаться, ехал за тобой в другой машине. В этот час улицы были безлюдны. Кажется, ты заметил, что тебя преследуют, таксист прибавил скорость, машина пронеслась под красным оком светофора, резко затормозила, чуть не столкнувшись с машиной, шедшей наперерез, помчалась дальше. Икс сказал, что кусок плёнки пришлось вырезать, «мы упустили объект». Удалось нагнать тебя где-то на окраине; тусклые улочки, тёмные дома снова напомнили мне мёртвый город моего сна. Я поднёс к губам стакан. Такси остановилось перед ярко тлеющей в темноте неоновой вывеской. Вокруг входа бежали цветные огоньки. Поблескивали лужи. Шёл дождь. Вылезая из машины, ты снова поглядел по сторонам.

Изображение погасло. Вспыхнула настольная лампа.

«Что-нибудь случилось?» — спросил я, загородясь ладонью от света.

«Мне показалось, — директор кашлянул, — что вы хотите остановиться».

Опять! Я был вне себя.

«Позволю себе заметить, тут есть кое-какие неожиданности. Я не имею права давать советы. Может быть, вам стоит предварительно проконсультироваться...»

«С кем?»

Я отхлебнул из стакана. Сеанс возобновился.

Нужно отдать должное его квалификации. Вернее сказать, его пронырливости. Он-таки постарался. Ну и, конечно, все эти новшества, миниатюрные камеры, инфракрасная съёмка, уж не знаю, что там ещё применяется. Было хорошо видно, как ты спускаешься по лестнице в подвал, швейцар в галунах суетится перед

тобой, опускает в карман небрежно брошенную купюру. Догадываюсь, что и от сogleдатель он получил щедрую мзду.

Вслед за гостем камера миновала переднюю, ты вошёл в полутёмный зал, вдоль стен были расставлены столики со свечами, почти все пустовали.

Я спросил: озвучена ли плёнка?

«Да, конечно. Но до сих пор, я думаю, звук был не нужен. Пожалуйста». И тотчас донеслись аккорды гитары, руды саксофона, музыканты на эстраде настраивали инструменты. Всё смолкло, были слышны приглушенные реплики, журчащий женский смех. Зал наполнялся. Вдруг грянуло, завыло, забряцало, пары качались и извивались перед эстрадой, полунагие дамы — персонал заведения — танцевали с посетителями. Тебя нигде не было видно.

«Мы его тоже потеряли», — сказал владелец конторы, по-прежнему называя себя во множественном числе, словно хотел снять с себя ответственность.

Ответственность — за что? Меня так и подмывало сказать ему: да брось ты. Я ведь прекрасно понимаю что ты обо мне думаешь. Ты считаешь меня ненормальным.

Икс сказал: «Однако нашли».

Камера двигалась по коридору. На дверях висели картинки: цветочки, рыбки, детские физиономии. Остановились перед девочкой, прикрывавшей голую попку; видимо, детектив успел навести справки. Дверь поехала, кто-то показался из комнаты, поспешно прикрыл лицо ладонью.

«Остановите», — сказал я.

«Это не вы».

«Перестаньте, при чём тут я?.. Остановите плёнку. Нет, — сказал я. — Это не он».

Неизвестный шёл по коридору, пропал за поворотом.

«Ну что ж, — проговорил я, потягиваясь. — Всё ясно».

«Я вижу, что вы устали. Но фильм не кончен».

«Достаточно, — сказал я и хотел встать. — Вы старались меня отговорить, а теперь хотите, чтобы я досматривал до конца. Включите свет. Заказ выполнен, я вполне доволен».

«Что вы делали вечером?»

«Вечером? — спросил я, сбитый с толку. — При чём тут...»

«Да. Что вы делали поздно вечером в воскресенье?»

Я пожал плечами. Что я делал... Ничего; то же, что всегда. Сидел дома. Сражался с бессонницей.

«Вы уверены, что вы никуда не выходили?»

«Почему вас это интересует?»

«Мне кажется, — сказал он, — это и вас должно интересовать. Итак, вы утверждаете, что провели всю ночь у себя, никуда не выходили из дома?»

«Вы что, ведёте следствие?» Я усмехнулся.

«Может быть. Вы не ответили на мой вопрос».

«Да, да, да. Абсолютно уверен».

«И никто к вам не заходил?»

Владелец бюро полусидел на столике передо мной, ждал ответа. Подумав, я сказал:

«Приходится экономить электричество. Я увидел, что горит свет в прихожей. Пошёл и погасил. А когда вернулся в комнату, он (я показал на угасший экран) сидел в моём кресле. Мне, конечно, пришлось его вытурить...»

«Так, — сказал Икс. — Значит, он приходил к вам. А кто он, собственно?»

«Но ведь я уже вам говорил. Другой человек».

«Позвольте задать вам ещё один вопрос. Не кажется ли вам, то есть не приходило ли вам когда-нибудь в голову, что другой — это вы?»

«Послушайте...» — проговорил я.

«Сейчас объясню. Тот, кого вы считаете другим, на самом деле вы, а вы, в свою очередь, тот другой».

Я ничего не мог ответить, что-то сбилось в моей голове. Хозяин конторы продолжал:

«Я не посягаю на вашу гипотезу. Хотя это всего лишь гипотеза, не так ли? Я просто хочу предложить вам, раз уж вы настояли на том, чтобы просмотреть плёнку здесь, а не у себя дома... предложить ознакомиться с информацией до конца. Собственно говоря, вам всё это должно быть известно, в таком случае наши сведения помогут вам освежить вашу память».

Он потушил настольную лампу.

«Вам как неспециалисту я должен пояснить, что в некоторых особых случаях, и, разумеется, с большой осторожностью, без какого-либо риска для клиента, мы пользуемся техникой внутреннего расследования, поэтому не удивляйтесь, если...»

Я спросил, что значит «внутреннего».

«Это долго объяснять. Впрочем, в тексте договора это оговорено, вы, очевидно, не обратили внимания... Речь идёт, ну что ли, о проникновении, разумеется, очень ограниченном, в психику».

«Вы имеете в виду...?»

«Совершенно верно. Объективация сознания, в данном случае вашего».

«Но, позвольте, — сказал я. — Это же нонсенс, прочесть чужие мысли невозможно».

«Мы с вами вторглись в область философии. Это не по моей части. Но, раз уж об этом зашла речь, разрешите вам напомнить, что в конце концов у всех нас есть средство приобщиться так или иначе к чужой психике».

«Какое же это средство?»

«Язык. Мысль не существует вне языка. Нам приходится облекать наши мысли и чувства в слова, а слова принадлежат всем. Когда вы говорите: у меня болит голова, все понимают, что это значит. Когда человек раздумывает о том, что происходит у него в душе, он опять-таки пользуется общепонятным языком. Иначе говоря, даёт возможность другим подсмотреть, что у него внутри... Но, я думаю, нам пора вернуться к демонстрации. Сейчас вы всё увидите».

Коридор опустел. Дверь со скабрёзной картинкой осталась приоткрытой. Камера проникла в комнату. И что же я увидел? Широкую кровать, где хватило бы места для троих, плафон в виде чудовищного красного цветка над изголовьем, и в багровой полутьме женщину под розовым одеялом, с распущенными волосами и голыми руками.

«Что, язык отнялся? Закрой дверь. Так и знала, что ты придёшь...»

«Поздравляю, — сказал я. — Вот ты где приземлилась».

«Да, — а ты думал, где?»

Я было хотел возразить, она перебила меня.

«Это я у тебя хочу спросить, как это ты, друг милый, очутился в борделе! А впрочем, почему бы и нет».

Я молчал.

«Ты зачем пришёл, — если по делу, то давай, снимай штаны. А если хочешь опять выяснять отношения, то извини, у меня свободного времени нет. Ну?» — и она сбросила одеяло, бесстыдно развела ноги. Стиснув зубы, чувствуя, как всё во мне закипает, я оглядывал мою жену с головы до ног, с ног до головы.

«Не хочешь, как хочешь. Брезгуешь, что ли? — Повела бровью и натянула одеяло на живот. — Небось денег жалко. Я тебя знаю. Ты всегда был скупердяем».

Я стоял и смотрел на неё.

«Наверно, полным импотентом стал, чего ж тогда притащился... А, понимаю: поэтому и пришёл. Ну давай, я тебе помогу. Снимай тряпьё, живо. У-у, бедненький, — запела она. — Миленький. Такой одинокий. Иди ко мне».

«Ах ты, сука». Я прозвнёс это почти вполголоса.

Она прищурилась. «Что я слышу? Такой воспитанный, тихоня, и вдруг такие выражения, ай-яй-яй...»

«Дрянь, подстилка! — закричал я. — Я тебя проучу! А ну, подымайся!» Я подбежал к постели и схватил её за руку.

По-видимому, она страшно испугалась, что-то лепетала.

Я подобрал что там лежало и швырнул ей.

«Одевайся, блядища...»

«Куда, куда?» — бормотала она.

«Домой, — сказал я зловеще. — Там поговорим...»

«Послушайте, — проговорил я, — ведь этого не может быть».

«Почему же, — возразил владыка бюро. — Такие случаи известны».

«Вы хотите сказать: это болезнь?»

«Я не медик. Но иногда трудно провести границу между заболеванием и... и обогащением, если хотите».

«Что вы имеете в виду?»

«Две индивидуальности. Разные судьбы. Вместо того, чтобы вести тусклое существование обыкновенного, заурядного человека, жить в своём единственном “я”, словно в клетке, надоест самому себе...».

«Вы хотите сказать...»

«Да. Именно это я и хочу сказать. — Мы вышли из кабинета. Со стула поднялась каменная секретарша, уступая место шефу. — Сидите, — сказал он, — я провожу г-на N до машины».

«Прошлый раз мне повезло, я нашёл местечко перед домом», — сказал я.

«Я провожу вас».

Он продолжал:

«Вы можете гордиться. Жить двумя жизнями, носить в своём теле двух разных людей — это доступно лишь особым, избранным натурам».

«Но ведь они не знают друг о друге. Какое же тут может быть преимущество?»

«Огромное. Каждый считает своё второе “я” другим человеком. И, может быть, к лучшему. Так удобнее. Своего рода приспособительный механизм психики. Впрочем, я не специалист».

Мы вышли из подъезда и зашагали к площадке, где мне пришлось оставить машину.

«Я думаю, вы сами ещё не осознали, что всё это значит. Оба ваших “я” живут в неодинаковом времени. Сколько у вас комнат?»

«Две, — сказал я, — гостиная и спальня».

«Прекрасно. Так вот, представьте себе, что в обеих комнатах вашей квартиры висят часы, которые показывают разное время и при этом идут правильно».

«В какой же из двух мы сейчас с вами находимся? С кем вы разговариваете?»

«Вам лучше знать. Но, думаю, с тем, кто проводит вечера у себя дома, а не с тем, кто отправился на поиски своей бывшей жены и так невежливо обошёлся с ней, увидев её в публичном доме».

«Послушайте... — проговорил я, глядя по сторонам. — А где же она?»

«Супруга?»

«Да нет же. Моя машина! Она стояла на этом месте».

«Гм, — пожал плечами директор конторы, — вероятно, на ней уехал тот, другой».

«Но ведь, логически рассуждая, у него должна быть и другая машина!»

«Не думаю. Вы живёте в одном теле и в одной и той же квартире. У вас общая машина и общая жена. Логично, не правда ли? Всего доброго, — сказал директор. — Вы получите счёт в ближайшие дни».

ПРОЧЕЕ — ОДЕЖДА

Voici la nudité, le reste est vêtement.
Voici le vêtement, tout le reste est parure.
Voici la pureté, tout le reste est souillure.
Voici la pauvreté, tout le reste est ornement.

*Charles Péguy*¹

Женщина шагала в сандалиях, держа сумочку у бедра, ни на кого не глядя, люди оборачивались и смотрели ей вслед. Заметим, что у нас в России такой номер бы не прошёл. Но тут дело происходило в стране, где строгость нравов, отнюдь не уступив место безнравственности, ушла с поверхности в глубину. Тем не менее некто в фуражке с гербом, в зелёном мундире и брюках табачного цвета, поманил пальцем незнакомку.

«Вам не холодно?»

Она возразила:

«Я привыкла».

Человек в мундире попросил предъявить удостоверение личности.

«Но у меня его нет с собой». И она показала пустую сумочку.

Он сказал, что вынужден её задержать.

«В чём дело?»

«Я думаю, вы сами понимаете».

«Я нарушила закон?»

«Отойдём в сторону, — сказал полицейский. — Ваше поведение надо квалифицировать как нарушение».

«Нарушение чего?»

«Точнее, как оскорбление».

«Боже мой, кого я оскорбила?»

«Оскорбление общественной нравственности. Нарушение приличий. Неужели вы не понимаете? В таком виде».

«Разве я плохо выгляжу?»

«На вас ничего нет!»

«Неужели я так уж плохо сложена?»

«Не в этом дело».

«А в чём же?»

«Я полагаю, это не нуждается в разъяснениях. И, кстати, можно простудиться».

«О, нет. Погода великолепная. К тому же я закалена».

«Вам приходится часто разгуливать вот так?»

«Иногда. Но вы не ответили на мой вопрос».

«Какой вопрос?»

«Хорошо ли я сложена».

«С точки зрения закона это не имеет значения. Важен факт нарушения».

«Да нет же: я имею в виду — с человеческой. С точки зрения мужчины, если хотите».

Полицейский вздохнул.

«С обычной точки зрения, вы сложены недурно».

«Может быть, вы поясните, что это значит».

¹ Вот нагота, а прочее — одежда.

Вот одежда, всё прочее — украшеньё.

Вот чистота, всё прочее — грязь.

Вот нищета, всё остальное — прикрасы.

Шарль Пегу (фр.).

Он усмехнулся.

«Вы сложены, как богиня».

«Благодарю. Но я всего лишь женщина. Небожителей невозможно мерять обычной меркой».

«Почему же? Было время, когда боги сходили с небес на землю».

«В Древней Греции?»

«Хотя бы».

«Я вижу, вы образованный человек», — сказала она.

«Я студент».

«И одновременно работаете в полиции?»

«Я учусь заочно. Получаю задания, сдаю экзамены. Отойдёте... я должен записать вашу фамилию и адрес. Вам пришлют штраф».

«А если я откажусь платить?»

«Тем хуже; с вас взыщут по суду. Чем вы, собственно, занимаетесь?»

«Собственно, ничем».

«Гуляете по панели».

«Если вы имеете в виду проституцию — ничего подобного».

«Но к вам, наверное, пристают».

«Бывает. Ничего хорошего из этого не получается, я умею защитить себя. Эта профессия внушает мне отвращение».

«На что же вы живёте?»

«О! у меня есть средства».

«Вы замужем?»

«Разумеется, нет».

«Прошу вас, мы мешаем прохожим. Вероятно, люди удивляются, почему я медлю. Вы ведь куда-то спешили?»

«Куда мне спешить. Я гуляю. Хоть и не в том смысле».

«Там есть небольшой скверик, прошу. Дело вот в чём, мадемуазель...»

«Мне не хотелось бы садиться».

«Вот чистый носовой платок».

«Спасибо. — Она опустила на скамью, закинула ногу на ногу и сложила руки под грудь. — Я забыла спросить: что вы изучаете?»

«Философию».

«Вероятно, работа в полиции даёт возможность учиться».

«Наоборот. Полиция помогает разобраться в философии».

«Вы хотели мне что-то сказать».

«Да. Дело вот в чём. Мы уже говорили об оскорблении приличий...»

«Боже мой, какие приличия! О чём вы говорите! Бульварные журналы полны фотографий голых красоток. Реклама не стесняется использовать всё что угодно. Телевизор еженощно демонстрирует порнографические сцены».

«Вы почти угадали мою мысль. К сожалению, никого теперь голым телом не удивишь. Ролан Барт говорит...»

«Кто это?»

«Был такой. Очень, кстати, неглупый человек».

«Среди философов это бывает не так часто? О, не обижайтесь. Так что же он говорит?»

«Одежда эротичней, чем голое тело. Женщина может одеться так, что будет казаться раздетой. Но при этом она должна остаться одетой».

«Вы не находите, что это отдаёт ханжеством?»

«В том-то и дело, что нет. Деррида говорит...»

«Вы замучили меня своей эрудицией».

«Виноват, больше не буду... Словом, что я хотел сказать. Нам грозит катастрофа. И вы — да, вы! — в числе её виновниц».

«Ничего не понимаю, — сказала женщина. — Катастрофа?»

«Именно. Наступила инфляция наготы. Пока что ещё люди оборачиваются, чтобы взглянуть на вас. Завтра и оборачиваться перестанут».

«Меня это мало волнует. Вы говорите, никого голым телом не удивишь. Я к этому и не стремлюсь!»

«Может быть. Но дело в том, что нагота не есть что-то абстрактное. Нагота сама по себе не существует. Не вы, а тот, кто вас видит, делает вас голой. Обнажённость реализуется в присутствии зрителя».

«Но я вовсе не нуждаюсь в зрителях!»

«Ах, оставьте. Нагота — это событие. Она всегда новость. А что произойдёт, если нагота станет банальностью? Для общества это чревато по крайней мере двумя последствиями. Двумя прискорбными последствиями».

«То, что на меня не будут обращать внимания?»

«Это я в качестве примера. А последствия следующие. Врачебная статистика говорит о том, что потенция мужчин уменьшается. И это понятно. Мужчины всё меньше интересуются женщинами. Стимул ослабевает, понятно?»

«Я бы сказала, наоборот...»

Собеседник скользнул глазами по её телу. Женщина непроизвольно подалась вперёд.

Вздохнув, он покачал головой. Перевёл взгляд на кусты и деревья.

«Вы боитесь посмотреть на меня?»

«Я боюсь разрушить таинственное очарование наготы».

«Ого! Я даже не подозревала в вас такую бездну романтизма».

«Женщина, — промолвил студент, — это всегда тайна. Она скрывает некую истину. А природа истины такова, что ей необходим занавес. Едва только она мелькнула перед вами, как тотчас же скрылась. Истина женщины — её нагота. Истина может заинтриговать, лишь явившись полуодетой. Я бы даже сказал, что до тех пор, пока она не обнажена, она и остаётся истиной. Оголившись, она становится банальностью. Голая баба, ну и что? Ничего особенного».

«Я просто в восторге от вашего красноречия... Значит, если я сейчас... — она оглядывала и оглаживала себя, — ...если я оденусь, я стану привлекательней? Верну себе, если я вас правильно поняла, утраченный шарм?»

«Я не договорил».

«Извините. Какое же второе последствие?»

«Вам не приходило в голову спросить себя: отчего в девятнадцатом веке наступил такой небывалый расцвет поэзии, философии, музыки? Не сравнить ни с прежними веками, ни с нашим временем».

«Отчего?»

«По-моему, это совершенно ясно. Девятнадцатый век — это был век торжества буржуазии. С её лицемерием, показной моралью, викторианским ханжеством. Век, враждебный телу. вспомните, как одевались женщины: всё закрыто, всё занавешено. Сверху платье до подбородка, снизу юбка до пола, корсет, фигура, как у осы. На руках перчатки, на голове чудовищная шляпа. Какая-то неприступная башня в кружевах, бантах, оборках... Но!» — сказал, подняв палец, полицейский.

«Догадываюсь, куда вы клоните».

«Но зато такой наряд стимулировал фантазию. Даже едва высунутая ножка воспламеняла воображение. А что говорить об остальном! Под этой горой шёлка подозревались дивные чудеса. Такой наряд необыкновенно дразнил чувственность. А так как женщины, скованные всевозможными запретами, демонстрировали несокрушимую добродетель, то чувственность, не находя выхода, сублимировалась. Неудовлетворённая чувственность порождала взрывы творческой

энергии. Если бы Матильда Везендонк уступила Вагнеру, если бы хоть разок разделась перед ним... уверяю вас, — студент печально покачал головой, — никакие песни Везендонк, никакие Тристаны и Изольды не были бы написаны! Ницше сказал: сексуальность пронизывает человека вплоть до вершин духа. Духа!»

«Простите, я, может быть, слишком примитивно мыслю. С одной стороны, вы сетуете на угасание чувственности, а с другой — требуете её запретить».

«Запретить чувственность невозможно. Напротив, её нужно воспитывать, не давать ей угаснуть...»

«Значит, если я показываю людям, какова я на самом деле...»

«Чувства притупляются. Народ привыкает. Представляете себе, что было бы, если бы все женщины последовали вашему примеру?»

«Для этого нужно, по крайней мере, одно условие».

«Условие, какое?»

«Тёплый климат. Кстати, я слышала, что в Индии самый большой прирост населения. А в Африке...»

«При чём тут Африка. Настоящая страсть, — подняв палец, сказал студент, — не может разгореться, если знакомство начинается с конца. Я имею в виду, с раздевания. Наступает разочарование, пресыщение — ещё до того, как страсть удовлетворена. И, конечно же, — продолжал он вдохновенно, — от этого страдает культура, вянет искусство. Упадок современного искусства, его вялость, его бессилие — как вы думаете, что это? Это... прошу прощения, вялость полового члена!»

«Ну, хорошо, — сказала она. — Я в философии не разбираюсь и не могу с вами соревноваться. Давайте сделаем небольшой опыт. Подержите мою сумочку... можете повесить её через плечо, вот так... Я зайду за кусты, а вы закроете глаза».

«Что это ещё за театр. Я при исполнении служебных обязанностей!»

«Ну, пожалуйста. Две минуты, не больше. Очень прошу. Только честно: не подсматривать. Вы ничего не видите. Считайте до двадцати, и после этого откройте глаза. Вслух, пожалуйста».

«Раз, два, три... — начал полицейский. — ...двадцать!» И он встал.

Открыл глаза.. Шагнул было к кустарнику, но остановился и негромко позвал. Никто не откликнулся.

Он вернулся, присел на скамейку, подумав, снова поднялся, одёрнул мундир и взглянул на часы. Однако, подумал он. Рабочее время закончилось. Он не передал дежурство сменщику, оставалась надежда, что это сделал за него коллега, который патрулировал вместе с ним. Он поправил на голове фуражку и пошёл прочь.

Вдруг что-то остановило его, он обернулся. «Вы?» — сказал он удивлённо. Женщина, во всей её ошеломительной красоте, подняв руки к затылку, стояла в двадцати шагах от него. Ветер шевелил её волосы. Она опустила руки, машинально — или не совсем машинально? — провела руками вдоль бёдер. Похоже, собеседник её не интересовал; она разглядывала в нём, как в зеркале, себя.

Он шагнул навстречу.

«Стоп, — послышался её голос. — Закройте глаза. Не подсматривать. Теперь вперёд!»

Студент подчинился, шёл, вытянув руки, навстречу, осторожно открыл глаза, на аллее снова никого не было. Кто-то подкрался сзади и прижал ладони к его глазам. Кто-то приблизил своё дыхание к его уху. Он услышал чей-то шёпот.

«Истина существует до тех пор, пока её не увидели. Как видишь, я неплохая ученица».

Ловкие тонкие пальцы расстёгивали пуговицы на его груди.

«Теперь, — проворковала она, — тебе понятно, что такое истина?»

Знатоки и любители помнят московский аукцион 2008 года, когда были распроданы последние экспонаты замечательного собрания Ивана Курочкина, чело- века, ставшего легендой. До сих пор о Курочкине циркулируют самые дикие слухи, приходилось даже слышать, будто Курочкин — мистификация и на самом деле никогда не существовал. Я знал Ивана, хоть и не принадлежал к его ближайшему окружению, и могу свидетельствовать, что девять десятых того, что о нём рассказывают, не имеют ничего общего с действительностью. «Ваня, — сказал я ему однажды, — ты бы хоть написал свою биографию». Он усмехнулся и ответил: «Моя коллекция — это и есть моя биография. Никакой другой у меня нет».

Курочкин был сыном француженки, светской львицы и, говорят, ослепительной красавицы; к несчастью, она окончила свои дни в частной психиатрической клинике. Отец, русский эмигрант, разбогатевший на каких-то не вполне законных денежных операциях, сравнительно благополучно пережил чёрную пятницу 1929 года и кризис начала тридцатых, после чего, в итоге чрезвычайно удачных инвестиций, превратился в промышленного магната. Овдовев, он больше не женился, всё досталось Ивану.

В душе Курочкин-старший был человеком другого покроя, считал себя несо- стоявшимся художником, мечтал, что сын исправит его ошибку — так он называл, не без некоторого кокетства, свою карьеру. Иван рассказывал, что однажды отец призвал его к себе для серьёзного разговора. «Ну хорошо, — сказал он, — коли тебя тошнит от живописи, коли ты чувствуешь, что не рождён быть ни поэтом, ни музыкантом, уверяешь меня, что в тебе проснулась иная страсть, что ж? Займись, по крайней мере, благородным делом. У меня есть несколько ценных инстру- ментов. Дарю тебе их, пусть это будет началом».

«Если бы он знал, — говорил Иван, — как я распорядился его наследством!» Небольшой домашний музей — полтора десятка смычковых инструментов разных эпох — довольно быстро растаял. Две скрипки Гварнери и его же работы виола да гамба были реализованы на аукционе за приличную сумму, зато ирландскую хротту X века, гордость коллекции, он продал, по недостаточной компетентности, за бесценок — каких-то семь с половиной миллионов. Большой, в человеческий рост, монохорд из лиможского монастыря св. Марциала уступил, после долгих переговоров, известному любителю — инфанту Испании, — если не ошибаюсь, за 18 миллионов. Прочее разошлось по музеям, по частным собраниям. Иван уже не владел пакетом акций отцовских предприятий. Ушёл из-под контроля один из самых могущественных банков Западной Европы, уплыли земельные владения и леса в Вермонте, уплыло сказочное поместье в Провансе, близ городка Оранж, где прошло детство, где умер отец.

«Я всё спустил; я почти что нищий, если сравнить моё нынешнее существо- вание с условиями жизни в среде, к которой я принадлежал по рождению. Но на вопрос, сожалел ли я когда-нибудь о том, что принёс в жертву моему призванию всё, чем владел, и самого себя в придачу, — я отвечаю: ни на одну минуту!»

Таков был Иван Курочкин — весь он, можно сказать, в этой тираде. Какой удивительный, думалось мне, плод смешения черт и склонностей столь непохожих друг на друга родителей — коктейль французской и русской крови. Курочкин инте- ресовался своей генеалогией, и не зря. Прадед по материнской линии был море- плователем, сподвижником Лаперуза. Погиб где-то за тысячи льё от Франции. Что касается предков с отцовской стороны, то известно, что один из них считался потомком татарского мурзы, прибывшего на Москву с ордынцами в начале XV столетия. Другой играл в кости, всегда выигрывал и был заподозрен в шулерстве, а его сын, прозванный Курочкиным за особое пристрастие к женскому полу, был

трижды женат, содержал у себя в деревне крепостной гарем и даже будто бы жил с собственной дочерью как с женой. Трудно сказать, что здесь правда, а что легенда подстать тем, о которых я упомянул.

В моём рассказе я не могу и не хочу придерживаться хронологического порядка, что, по-моему, соответствует отвращению Курочкина к биографиям. Случалось, что мы не виделись годами, но какая-то сила вновь влекла меня к нему; похоже, и он испытывал ко мне некоторого рода симпатию, если можно предположить подобное чувство у человека нелюдимого, неразговорчивого, всецело поглощённого своей страстью — одним словом, маньяка. Выглядел Иван как отражение в вертикальном зеркале, в каком-нибудь павильоне смеха: тощий, длинный, неловкий, то, что называется коломенская верста, длиннорукий, с вытянутым лицом и узко посаженными глазами, и удивительно похожий на экспонаты своей коллекции. Вот уж кого бы я не решился назвать красивым мужчиной. Семьи у него никогда не было — у таких людей не бывает домашнего очага. Зато появились подражатели, был основан клуб, поговаривали, что со временем он будет преобразован в Академию имени Ивана Курочкина. Разумеется, сам он не мог управляться один со всеми своими делами и подобрал себе штат помощников. Был секретарь-делопроизводитель, был финансовый директор, банда съевших зубы на своём деле юристов, эксперт, единственный, но зато весьма искушённый — в отличие от невежественных советников времён ивановой юности, когда он разбазарил свои музыкальные раритеты, — а кроме того, разъездные агенты, фотографы, ещё какие-то личности с неясными функциями.

Думаю, что никто из его персонала не ел даром свой хлеб. Иван был щедр, но умел быть и беспощадным; малейшая провинность, и человека как не было: мой друг не выслушивал никаких оправданий. Разного рода формальности, сложности увольнения — плевал он на всё это. А вот так: приличная сумма, чтобы отлучённый не оказался на улице, — и катись. Был у Ивана и специальный человек, умевший весьма бесцеремонно отгонять от шефа стада просителей, самозванных искусствоведов и, разумеется, женщин. Или, например, является некто, выдающий себя за специалиста по грунтам и фундаментам; в шею его. Каждое новое приобретение полагалось обмыть, для чего шеф содержал повара и дегустатора. Созывался узкий круг, и компания напивалась до положения риз. Курочкин терпеливо выслушивал тосты, порой весьма рискованные (он не терпел лести), молча поднимал бокал и ставил на место, не пригубив.

Раз в месяц — деловое совещание, обсуждались новые проекты. Самое трудное, говорил Иван, это переговоры с собственниками, будь то частные владельцы, городские общины, церковные власти или правительство страны. Само собой, приходилось принимать меры к тому, чтобы до поры до времени держать сделки в секрете от так называемой общественности. Иван не давал никаких интервью. Редакторы бульварных журналов знали, что публикация фотографий великого Курочкина будет стоить им судебного процесса.

Единственное, на что он изредка давал согласие, — экскурсии. Делалось это исключительно с благотворительной целью: выручка шла (в память о матери) на строительство приютов для душевнобольных. Плата за вход ни много ни мало пятьсот долларов, тем не менее от желающих поглазеть на легендарную коллекцию не было отбоя. Как-то раз я присутствовал на одном из таких, я чуть было не сказал: шоу. Экспонаты были мне известны, но было интересно поглядеть на экскурсовода. Странный и живописный субъект в смокинге, с огромной, чуть ли не от плеча до плеча, бабочкой на шее, в чёрном, как смоль, парике и с подкрашенными губами, отставной любовник из французского водевиля, стареющая опереточная звезда, шпрыхталмейстер в цирке. Бог знает, откуда его добыл Курочкин. Ехал этот персонаж не вместе со всеми, а в отдельной машине-вагончике.

Любопытно, что он ничего не говорил о создателе коллекции, на вопросы о Курочкине предпочёл вовсе не отвечать; надо думать, получил на сей счёт соответствующее указание.

Но ещё интересней был его способ вести экскурсию.

Для начала гид произнёс короткую речь.

«Дамы и господа, уважаемая публика! Вам предстоит приобщиться к творениям духа, устремлённым ввысь не только в переносном, но и в прямом смысле, при всей их несомненной материальности... Вы получите возможность — в пределах отпущенного нам времени — ознакомиться с изумительными произведениями человеческого ума, таланта, терпения — ведь создание их нередко было делом поколений, — и я надеюсь, нет, я уверен, вы навсегда сохраните память о сегодняшнем дне, не пожалеете ни о потраченном времени, ни о сумме, которую вам пришлось уплатить, впрочем, довольно скромной сравнительно с расходами по поддержанию этого... — он запнулся, обвёл парк широким жестом, — этого единственного в своём роде собрания. Кстати, открою вам секрет: нынешний год — юбилейный. Тридцать лет тому назад было положено начало коллекции... Настоятельно прошу, прежде чем мы приступим к осмотру: никаких фотоаппаратов, никаких кинокамер. Просьба не выходить из автобуса без моего приглашения и ни в коем случае не отставать от группы».

Публика расселась по местам, экскурсовод влез в вагончик; обе машины въехали в ворота и несколько минут спустя остановились перед первым экспонатом. Посетители высыпали из автобуса. Все с восхищением смотрели на гида.

Он стоял на аллее. На нём было зелёное одеяние из струящегося шёлка, ниже колен виднелись красные шёлковые шаровары, на голове круглая бархатная шапочка, расшитая серебром, на груди висели длинные смоляные косы, а сзади из-под шапочки до самого низа спускалась полупрозрачная фата.

«Примерно так, — сказал он, — выглядела последняя татарская царица, повелительница Казанского ханства. Мы начнём осмотр коллекции с относительно мало известного экземпляра. Перед вами башня Казанского кремля, с её вершины, как гласит предание, царица бросилась вниз головой. Вы догадываетесь, почему. Чтобы не попасть в руки москвитам, осадившим Казань. Как видите, башня достаточно высокая, чтобы... чтобы гарантированно сломать себе шею».

Возгласы ужаса прервали на минуту рассказ экскурсовода.

«Город Казань существует до сих пор, он находится в весьма отдалённой части бывшей Российской империи. Ханство было завоёвано в пятнадцатом или шестнадцатом веке царём Иоанном Грозным — точное время его правления неизвестно, вообще полумифическая фигура... Нынешние российские власти одержимы националистическими суевериями. Так что пришлось предпринять немалые усилия, чтобы приобрести этот полуварварский шедевр. С момента покупки стоимость башни ещё более возросла».

Крики восхищения покрыли его слова.

«Кстати, о кремлях: вы, вероятно, слышали о самом известном сооружении такого рода: это кремль в Москве, называемый просто Кремль. Из девятнадцати башен этого уникального архитектурного ансамбля в нашем собрании находятся две, в том числе самая знаменитая. Большевистский режим был вынужден мириться с тем, что она была названа в честь Спасителя, но установил на ней вместо древнего византийского орла самую большую красную звезду. К великому сожалению, она разбилась при транспортировке. Мы подъедем к этой башне немного позже, а пока следуйте за мной...»

Машины приблизились к следующему экспонату, на этот раз экскурсовод вылез из вагончика в своём обычном наряде, и публика, которая приготовилась к новому зрелищу, была разочарована.

«Voilà!» — сказал он, выбрасывая ладонь. В отличие от других объектов, это была простая деревянная башня с лестницей, вроде пожарной вышки.

«Возможно, некоторые из вас читали пьесу драматурга Ибсена, теперь он уже забыт, о чём следует пожалеть: весьма замечательный был автор. Пьеса называется «Строитель Сольнес», речь шла об архитекторе башен. В финале он по каким-то непонятным причинам падает со своего сооружения. Этот Сольнес, дамы и господа, существовал на самом деле, можете полюбоваться: башня перед вами. Она была совершенно заброшена, её собирались сломать. Мы отремонтировали её».

Ответом были крики изумления.

Снова двинулись, и снова остановились. Теперь вожатый предстал перед экскурсантами в весьма эффектном виде: высокая конусообразная шапка и лиловая мантия с золотыми звёздами и знаками планет.

«А вот... Прошу немного отойти, так будет виднее. Сколько лет мы... (Снова это «мы», словно экскурсовод был совладельцем коллекции). Сколько лет мы облизывались на неё, ходили вокруг, как кот около горячей сковороды. Приобрести представлялось совершенно невозможным. И всё-таки, хе-хе, она здесь! (Широким жест). С этой самой башни — вы видите там наверху площадку — знаменитый астролог Галилей следил за движением светил. Его предсказания сбываются до сих пор! Кроме того, — вы видите, что башня наклонилась, это было удобно для опытов... кроме того, он бросал с неё разные вещи, чтобы доказать, что все предметы падают в одном и том же направлении: вниз — и только вниз. Это был великий учёный».

Аплодисменты, общий восторг.

«Хочу обратить ваше внимание, — продолжал экскурсовод, — на одно чрезвычайно важное обстоятельство. Башня, я говорю не только об этой башне, но о башне как таковой, о башнях вообще... — башня — это не просто очень высокое здание, вертикальное сооружение или, как теперь модно говорить, фаллический символ. Символ, знаете ли, можно выдумать какой угодно, а дело в том, что башня включает в себе глубокую философскую идею. Это идея победы и поражения, триумфа — и краха, восхождения — и падения. Но не таков ли человеческий удел?.. Господа, я уже просил не подходить близко. Она падает много лет, но знаете ли... Бережёного Бог бережёт».

Очередной экспонат, к которому он подвёл нас, плохо вписывался в общий стиль коллекции, да и вид экскурсовода поначалу смутил публику, особенно шокировал дам. Маскарадный гардероб нашего гида сам по себе представлял собой весьма экзотическую коллекцию. Шапка-ушанка подозрительного меха, замызганная, прожжённая, кое-где заплатанная и снова прожжённая ватная телогрейка, вислые стёганные штаны, растоптанные буро-рыжие валенки, — таков был его новый наряд. Он смачно сплюнул и указал на сторожевую вышку.

«Редкостный, уникальный экземпляр, — просипел он, — подлинник... Приобретён в одном из бывших концлагерей на северо-востоке. Мы с вами снова в России, господа...»

Автобус вновь наполнился экскурсантами, медленно ехал по главной аллее. Впереди, указывая дорогу, катил вагончик, голос чревоушателя в репродукторе клохтал над осоловевшими пассажирами.

«Несколько французских донжонов, то есть угловых крепостных башен. Для полноты коллекции. Среди специалистов ценятся не очень высоко... Бастилия... эту башню с трудом удалось спасти и вывезти... Но я хотел бы обратить ваше внимание вон на то сооружение, которое так выгодно отличается от своих мрачных соседей. Прошу выйти...»

В белой хламиде, без парика и с лавровым венком на голом черепе, с позолоченной картонной лирой в руках, гид явил себя присутствующим на фоне соору-

жения, которому время и традиция придали тусклый блеск старых зубов или плохого мрамора.

«Вы, наверное, думали, что это фантазия, мечта поэтов. Но нет — она существует! Прославленная башня слоновой кости. Внутри на стенах нацарапаны автографы: кто только не квартировал в ней... А теперь это любимая башня, гм... нашего шефа. За неё была заплачена несметная цена».

Он-таки отважился упомянуть об Иване!

Помню наш разговор за стаканом вина, незадолго до праздника. Мы засиделись допоздна. Больше молчали, чем говорили. Курочкин машинально водил пальцем по скатерти. Потом произнёс:

«Мой отец... кажется, я рассказывал тебе. Мой отец считал себя неудачником. Особенно в последние годы жизни — а умер он внезапно, между прочим, в том же возрасте».

«В твоём нынешнем возрасте?»

«Да. Особенно в последние годы, когда отец уже мало занимался делами, он то и дело возвращался к этой теме. Это не было кокетством... Он считал, что не смог себя реализовать. Ему надо было стать — кем, он и сам не знал. Тебе знакомо это чувство?»

«Разочарования?»

«Пожалуй... но не в чём-то конкретном, а вообще... во всей своей жизни, что ли... Не могу точно сформулировать. Одним словом, представь себе, что ты куда-то едешь, в определённое место и с определённой целью. И вот оказывается, что ты сел не в тот поезд. Или нет: всё правильно, поезд тот, который нужен, но города, куда ты едешь, не существует».

«Мне кажется, — сказал я, — ты достиг всего, чего хотел. И даже большего. Вот посмотришь, что будет завтра».

«Ох, как мне не хотелось всего этого!»

«Охотно верю, — возразил я и поднял бокал. — За тебя!»

(Замечу, что как раз в это время он вёл долгие, изнурительные переговоры — попросту говоря, вёл торговлю — с правительством Франции о приобретении Эйфелевой башни).

«Опять-таки не могу тебе объяснить, — продолжал Курочкин, — но надеюсь, что ты меня поймёшь. Не могу передать, с каким тяжёлым чувством я иногда смотрю на всё это!..»

«На этот альбом?»

Это был только что выпущенный к юбилею роскошный альбом цветных фотографий башен из коллекции Курочкина, с текстами известных историков, искусствоведов, писателей.

«Каждая из них что-то значила, была грандиозным символом веры, напоминала о былом величии, о победах, о трагедиях. А теперь? Куда девалось это величие? Теперь они, как жуки на булавках... История превратилась в кунсткамеру, в музейную коллекцию».

Юбилей стал пищей для целой армии репортёров, журналистов и телевизионщиков и, разумеется, породил уйму всевозможных слухов и домыслов. К сожалению, я не мог присутствовать на празднике, обстоятельства вынудили меня уехать из города. Как уже сказано, Курочкин отнёсся без энтузиазма к предложению публично отметить знаменательную дату. В конце концов ему пришлось поступиться своими правилами, преодолеть отвращение к шумихе. Был создан юбилейный комитет, отпечатаны приглашения, ожидалось прибытие именитых лиц. Съехались и знаменитости собирательского мира: филателисты, фалеристы, нумизматы, библиофилы, коллекционеры вин, картин, скульптур и красивых женщин. Кульминационный пункт торжеств — награждение орденом. Крест и

муаровую ленту через плечо должен был повесить на грудь создателю уникальной коллекции министр культуры.

Был чудесный день ранней осени, на площадке перед украшенной флагами цитаделью татарской царицы (башню выбрали благодаря удачному местоположению) были расставлены кресла для почётных гостей, за ними места для публики. Телекамеры, юпитеры, помост для музыкантов, палатка пресс-центра — всё как полагается. Поодаль, в сооружённом по этому случаю павильоне шеф-повар, о котором я уже упоминал — и который в этот день, как говорили, превзошёл себя — с отрядом помощников и официантов приготовился к банкету. Все расселись, всё смолкло, дирижёр поднял палочку. Грянул туш, раздались аплодисменты. Появился Иван Курочкин. Он был скромно одет, выглядел неуверенно, как-то криво поклонился и вошел в раскрытые настежь узорные ворота. Воцарилась тишина, в широких просветах ярусов было видно, как он медленно, держась за перила, поднимался по ступенькам всё выше и выше. Публика молча ждала. Все смотрели вверх. Наконец, он вышел. Он стоял под навесом, изукрашенным разноцветной резьбой, на площадке — может быть, той самой, откуда ханша Сююмбека, если верить легенде, в последний раз озидала свой город, видела полчище врагов, лезущих сквозь брешь в крепостной стене, — стоял рядом со столиком, на котором лежал текст его речи.

Снова раздались хлопки, Курочкин поднял руку. Он подошёл к загородке, в репродукторах послышалось покашливание — юбиляр прочистил горло. «Your excellencies, — сказал он по-английски, и эти слова, произнесённые еле слышным голосом, стократно усиленные, разнеслись над толпой, — ваши превосходительства, друзья... Собратья по призванию, по этому наваждению, — добавил он неожиданно, — этому проклятью... Я...»

Весёлое оживление было ответом на эти слова; в толпе засмеялись. «Да, да, конечно... — торопливо добавил Курочкин, — я пошутил. Но в каждой шутке есть доля истины. Я бы хотел напомнить, что в латинском языке понятия проклятого и священного обозначаются одним и тем же словом... Так вот... Что я хотел сказать...»

Может быть, со временем удастся прояснить загадку исчезновения Ивана Курочкина; лично я при всём желании ничего определённого сказать не могу. Мои розыски ни к чему не привели, да и никто, я думаю, не даст ответа. Слишком много толков ходило в эти дни; бульварная печать изоцрялась в домыслах и догадках. Сильно подозреваю, что сам Иван приложил руку к этой путанице.

Куда он девался? Кто-то будто бы его видел — случайно опознал в одном злачном заведении на Монпарнасе, где некогда собирались русские эмигранты. Кто-то утверждал, что он был убит. Одна из расхожих версий — та, что Курочкин, поручив ликвидацию своего дела доверенным лицам, уехал в Азию. Есть сведения, что он живёт в ламаистском монастыре, в труднодоступной местности к западу от так называемой Красной Гоби в Монголии. Но мне приходилось слышать и нечто совершенно невероятное. Подтвердить информацию не представляется возможным по той простой причине, что это никакая не информация. Это просто фантазия, выдумка. А вернее сказать, легенда.

Мне не верится, что Курочкин, всю свою жизнь посвятивший собиранию памятников, каждый из которых принадлежит эпическому прошлому, окружён сказаниями, оброс мифами, — не верится, что он мог уйти в неизвестность, не сделавшись в свою очередь мифическим персонажем. Позволю себе привести ещё одну версию, на мой взгляд, наиболее правдоподобную.

Окончив свою короткую речь, великий коллекционер спустился к народу. Церемония награждения орденом прошла с надлежащей помпой. Некоторое время Курочкина видели то там, то здесь среди присутствующих. Затем, воспользо-

вавшись тем, что внимание было отвлечено банкетом, он снова оказался на башне Сююмбеки. Те, кто мне об этом рассказывал, якобы своими глазами видели, как он ловко перекинул через решетку свою длинную ногу, затем другую, раскинул руки, точно хотел взлететь, и прыгнул в пустоту.